

ОЛЬШАНСКИЙ Дмитрий

ПСИХОАНАЛИЗ БРЕДА

Аннотация

Психотерапия и психоанализ по-разному понимают бред. Если психотерапевт пытается излечить бред, то психоаналитик поддерживает его как попытку символизации бессознательного субъекта. Поэтому и Фрейд описывает бред как попытку психики, предпринимающую к самоисцелению.

Ключевые слова: *бред, психоз, психоанализ, Фрейд, Лакан.*

В психиатрии и в психоанализе бред понимается по-разному. Если медицина и психология говорят нам о бреде как патологической совокупности идей, то для психоанализа, который не пользуется понятиями «нарушение» и «патология», бред представляет собой целостную и тотальную систему объяснения реальности. Функция его состоит в том, чтобы при помощи символических механизмов поддерживать единство психического мира субъекта и выстраивать его отношения с реальным. То, что для невротика обычно делает воображаемое — поддержание собственных границ, гомеостаз своей личности, образа и реального мира, — для психоти-

ков выполняет символическое. Изначально многие психотики жалуются на спутанность мыслей, энергий, невозможность отделить внешнее от внутреннего, провести временные и пространственные границы. А бред, как выстроенная история, как раз позволяет им хоть как-то опредметить свой опыт, выстроить границы и расставить по местам то, что происходит у них внутри.

Бред представляет собой переизбыток символического, перепроизводство означающих, при помощи него субъект надеется компенсировать пробелы воображаемого. Одного этого уже достаточно для того, чтобы

© Дмитрий Ольшанский, 2013

считать бред позитивным явлением, попыткой самостоятельного излечения от психоза и, как говорит Фрейд, „anderseits hatte sich seine Persönlichkeit rekonstruiert und sich den Aufgaben des Lebens bis auf einzelne Störungen gewachsen gezeigt“, бредовая система реконструировала его личность и позволяла справляться с задачами жизни, за исключением отдельных расстройств¹. Бред для психотика не только ставит его на путь исцеления, но и создает его личность, символическую конструкцию психического мира. Поэтому и аналитическая клиника психозов направлена на то, чтобы этот бред поддерживать и делать его более гибким, более поэтичным и удобным в использовании. В отличие от психиатрии, которая считает, что бред нужно лечить и вкладывать в голову пациента ту картину мира, которую имеет доктор (а это не что иное, как дискурс господина и раба), психоанализ находит в бреде те символические точки, на которые субъект мог бы опереться и которые могли бы быть положены в основание его дальнейшего субъективно-го развития. Мы знаем немало клинических примеров, когда психотический пациент становился поэтом, художником, священником или мастером йоги и таким образом находил творческое применение своему бреду.

Бред и мировоззрение

Может возникнуть вопрос, чем в таком случае отличается бред от мировоззрения, которое тоже, в свою очередь, дает ответы на ключевые вопросы бытия и места человека в мире. Во-первых, бредовая конструкция носит неоспоримый характер, бред несомненен. Бред апеллирует к вере и не предполагает системы фальсификации своих оснований. Например, если в науке, которую Лакан тоже часто упрекал в бредовом характере, возможно сомнение в существующих теоретических предпосылках и каждый ученый предполагает, что в чем-то он может ошибаться, то бред носит характер абсолютный. Не случайно, конечно, в каждом бреде мы находим и религиозный аспект наслаждения Другого. Не все,

разумеется, разговаривают с богом, но все психотики так или иначе говорят нам, что их система неоспорима именно потому, что так хочет Большой Другой.

Во-вторых, бред носит тотальный характер, то есть он дает исчерпывающие ответы абсолютно на все вопросы, начиная с экзистенциальных вопросов о смысле жизни и заканчивая бытовыми — какую щеку нужно брить первой и почему нельзя обстригать заусеницы на указательном пальце. Если большинство невротиков умудряется благополучно проживать свою жизнь, не имея окончательных ответов на какие-то базовые вопросы — в чем смысл жизни? что такое любовь? мужчина ты или женщина? (классические невротические вопросы), — и эти лакуны не становятся препятствием для их жизни, и они находят способ перепрыгивать через встречающиеся им противоречия, свободно и стабильно переходить из одного кризиса в другой, то для психотика идеологические пустоты или внутренние противоречия чреваты крушением всего мироздания. Ведь мир для него — это и есть то, что о нем сказано. Если же сказано неверно или ошибочными означающими, то и космос может рухнуть в одночасье.

Например, один наш знакомый параноик после курса лечения сам увлекся психотерапией и начал разрабатывать собственную систему, в которой психотерапии отводится роль такой тотальной науки для анализа и понимания всего на свете. «Если у всего есть душа, у мира есть душа, у космоса есть душа, — рассуждает он, — то должна существовать не только психотерапия на клеточном уровне, но и психотерапия космоса, психотерапия невидимых миров, психотерапия ангелов и тонких духов». Результатом его работы стала сводная таблица психотерапии всего сущего, всех уровней — от молекулярного и растительного до внеземных материй. Таким образом, его бредовая система обнимает все мироздание целиком, а психотерапия рисуется неким абсолютным знанием обо всем сущем. В отличие от научной, такая система носит тотальный, исчерпывающий характер, описывает все возможные виды душ и терапевтического

1 Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides). // GW. VIII. S. 239–320. С. 243.

воздействия на них. Ни одно мировоззрение не ставит перед собой такой задачи.

Известно, что жизнь параноиков настолько регламентирована различного рода бредовыми правилами, что это часто создает для них реальные сложности. Так, другой наш знакомый параноик утверждает, что слово «спасибо» является оскорбительным и происходит от словосочетания «пасти баранов», поэтому он никогда не говорит «спасибо», а говорит «благодарю». Как результат — даже самый простой поход за едой превращается для него в сложную операцию по избеганию каких бы то ни было контактов и благодарностей в свой адрес, а когда ему на кассе все-таки выдают чек, на котором написано «спасибо за покупку», он воспринимает это как агрессивный выпад и провокацию скандала.

Иными словами, бред прописывает и регламентирует абсолютно все стороны жизни человека, он носит тотальный характер, он поддерживает миропорядок, в отличие от мировоззрения, которое дает лишь общие законы и правила, описывающие устройство мира и места человека в нем. Хотя на практике, как мы знаем, мировоззренческие постулаты иногда делиризируются до неузнаваемости. Все мы помним примеры, когда марксизм стал ширмой для духовной диктатуры, поэтому вполне понятно негодование известного литературного персонажа: «Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?» Вот пример того, как мировоззренческое положение приобретает бредовый характер.

В-третьих, бред как компенсаторный механизм имеет свойство разрастаться и втягивать в орбиту своей деятельности все новые и новые объекты. В качестве примера годится скандальный петербургский закон о запрете пропаганды педофилии. Закон, который запрещает не саму педофилию, а те знаки, слова и изображения, которые могут на нее намекать. Естественно, в глазах параноика абсолютно все знаки, все слова и все изображения будут намекать на педофилию и будут нести скрытую угрозу.

Так, например, с Невского проспекта был снят портрет Петра I. Почему? Потому что где-то на заднем плане этого портрета виднелась радуга, которая в головах параноиков стала ассоциироваться с флагом ЛГБТ-движения, и почему-то портрет Петра I был признан пропагандой педофилии. Вторым эпизодом этого клинического случая стал запрет на молоко «Веселый молочник», на этикетках которого все те же пациенты разглядели все ту же радугу. И молоко в их сознании автоматически стало пропагандой педофилии. А все, кто его пил, стали инфицированы разворотом несовершеннолетних.

Уже сегодня предлагается переименовать все детские сады и пионерские лагеря под названием «Радуга». Следующим шагом в этой бредовой конструкции, конечно, должен стать запрет на любое упоминание или изображение радуги. Его нужно исключить из литературы; прежде всего из Библии, конечно, где радуга фигурирует как символ завета между Богом и человеком. «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением вечного завета между Мною и землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга Моя в облаке; и Я вспомню завет Мой» [Быт. 9: 13–14].

А здесь находится слабое место всей этой бредовой конструкции; когда Бог заповедует Ною радугу, получается, что он тоже пропагандирует педофилию, а это входит в противоречие с рядом других религиозных положений, на которых этот бред держится. То есть нашим пациентам придется либо вычеркивать куски из Библии, либо принять мысль о Боге-педофиле. То есть в какой-то части своего бреда им нужно будет усомниться, а для психотиков это верный путь к коллапсу и развалу психической структуры, а для некоторых и к госпитализации.

Кроме того, нужно запретить «радужные оболочки глаз» или как-то переименовать их, ведь что же это получается, любой взгляд на радужку глаза так или иначе подспудно пропагандирует педофилию? Да и само природное явление, радугу, каждый раз после дождя придется разгонять при помощи

реагентов, чтобы капли воды и лучи солнца не пропагандировали нам педофилию и не развращали наших детей.

Подобные рассуждения могут продолжаться до бесконечности: все новые и новые слова, новые и новые образы, как паутинки, цепляются друг за друга и по ассоциативным цепочкам ведут к ядру всей этой конструкции. Так устроен любой параноидальный бред. Он будет разрастаться, пока не поглотит весь психический мир человека. И наши пациенты рано или поздно придут к тому неутешительному выводу, что любое слово, любой знак и любое изображение чего бы то ни было является пропагандой педофилии и гомосексуализма.

К подобному выводу приходит героиня Раймона Кено: «Из любого высказывания при помощи двух-трех ассоциативных переходов можно сделать вывод, что король Англии мудака. А это преступление, оскорбление величества, которое карается смертью. Поэтому что бы ты ни говорил — тебя уже можно казнить. И даже если ты молчишь — ты все равно имеешь в виду, что король Англии мудака, поэтому тебя тоже нужно казнить. Поэтому о чем бы ты ни говорил и о чем бы ты ни мочал, в любом случае ты являешься государственным преступником». Закон петербургских депутатов полностью повторяет логику этой героини: что бы ты ни делал, и о чем бы ты ни говорил, и о чем бы ты ни думал — ты уже педофил, и тебе уже можно отрубить голову.

Бред при неврозах

В невротическом фантазме мы также часто находим бредовые элементы. Например, любая навязчивость дает нам пример такого новообразования: кто-то считает цифры на трамвайном билете и, если билет оказывается счастливым, съедает его, кто-то засовывает руку в горсть мелочи и, если вытаскивает наугад двугривенный, тут же идет признаваться в любви своей девушке, кто-то полагает, что, если он поставит свечку перед иконой Николая Угодника, с его близким ничего страшного не случится. По сути, все эти приметы магических ритуалов носят совершенно

бредовый характер, однако же довольно широко встречаются у невротиков.

Сам Фрейд использует выражение «невротический бред», когда анализирует случай человека-крысы: «Ja, es ist noch etwas anderes vorhanden, eine Art von Delir- oder Wahnbildung sonderbaren Inhalts»². Фрейд говорит, что невротик тоже может пользоваться такими психотическими механизмами, как проекция или делирий, но в его структуре они выполняют совсем иную функцию.

Бред невротика не носит скрепляющего характера, как в случае психоза. Невротическая структура зиждется на вытеснении, а не на бредоткачестве, поэтому и подрыв невротического бреда не принесет развала структуры, чем всегда чревата интерпретация бреда психотического. Невротик легко находит противоречия или несуразности в своих рассуждениях, и столкновение с ними не разрушает его, а, напротив, побуждает к новой метафоризации и творению новых путей для влечений. Равно как и любая навязчивость — будь то секулярная или религиозная — растворяется толкованием, и бредовые основания, на которых она держится, легко уступают место другим символическим опорам симптома.

Иными словами, за невротическим бредом мы всегда находим означающее, которое подлежит толкованию, тогда как психотический бред как раз и представляет собой безуспешный поиск этого главенствующего означающего. При помощи бреда психотик пытается нащупать тот стержень, который мог бы стать основанием его симптома (или, как говорит Лакан, психотического синтома, поскольку в симптоме ему изначально отказано). Наслаждение невротика дозировано, а потому бредовые элементы лишь разделяют наслаждение (равно как и странности в речи невротика могут быть частью сублимации наслаждения), тогда как наслаждение психотика полностью катектировано с означающим, его наслаждение не канализировано при помощи горнила симптома.

2 Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (Der Rattenmann) // GW. VII. С. 379–463. С. 386.

Психотическое означающее

Переосмысляя структурную лингвистику, Лакан говорит, что означаемое представляет собой эффект означающего, последнее выступает как призыв, требование чего-то, используя выражение Хайдеггера, означающее — это зов бытия. Не просто именование того или иного предмета, а как раз напротив: вещь обретает онтологический статус и свое место в реальности, только будучи поименованной, вписанной в язык, вещь становится материальной в тот момент, когда отзывается на слово. Таким образом, означающее формирует мир и полагает означаемое в качестве своего эффекта, именно эта часть бытия, символизированного или отозванного бытия, и зовется реальностью. То бытие, которое не откликается на призыв слова и выпадает из символизации, Лакан называет Реальным.

Выходя за рамки лингвистики, Лакан понимает означаемое не как смысл высказывания, то есть план содержания, а именно как последствия высказывания, то есть план реального. Высказывание может вообще не иметь смысла или не обозначать ничего конкретного, но может иметь последствия. Например, крик ребенка является таким чистым императивом, призывом бытия, не несущим никакого содержания, но в качестве обращения к Другому он, несомненно, является означающим и добивается некоторого ответа. Из этого можно заключить, что какие бы означающие ты ни воспроизводил — ты всегда обращаешься к какому-то Другому и твоя речь всегда будет иметь какой-то результат. Во всяком случае, клинический опыт дает нам основания думать, что о чем бы ты ни говорил — ты всегда говоришь с кем-то, и твой призыв будет иметь последствия.

В анализе сновидений и оговорок мы постоянно находим примеры того, что означающее вовсе не отсылает к референту, т.е. прямому значению высказывания, а содержит иносказание. Сам Лакан приводит пример с пословицами, в которых референт попросту опускается, но говорящим понятно, о чем между ними идет речь. На память приходит диалог из фильма «Амели», где два героя строят диалог при помощи пословиц,

преследуя каждый свои цели: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе. — Большому кораблю большое плавание», «Не все то золото, что блестит. — Как корабль назовешь, так он и поплывет», «Всяк сверчок знай свой шесток. — Всяк кулик свое болото хвалит»... С формальной стороны этот диалог может показаться совершенно бессмысленным, поскольку референты высказываний не связаны друг с другом, но при этом мы прекрасно понимаем, о чем идет речь: один собеседник говорит, что нужно оценивать свои возможности и выбирать достижимые цели, другой отвечает, что стоит ставить перед собой более амбициозные задачи. Означаемое, как эффект высказывания, здесь налицо, собеседники прекрасно понимают друг друга, хотя на уровне референтов никакого диалога не происходит. Вывод, который мы можем из этого сделать: если твои слова имеют эффект, то совершенно не важно, что и как ты говоришь.

В психотической же речи, напротив, такое ускользание референта невозможно. Психотик всегда следует буквальному значению слов, для него референт и означаемое часто совпадают друг с другом. Например, одна пациентка задумала обмен квартиры, но вариант, который она нашла, был совершенно изумителен. Жила она на третьем этаже и решила переехать в точно такую же квартиру, в том же самом подъезде, но на первом этаже. На вопрос, зачем ей нужна такая морока и все ради того, чтобы жить в точно такой же квартире, она пояснила, что поступает в аспирантуру и собирается заниматься фундаментальной наукой. А как можно заниматься фундаментальной наукой, если ты живешь не на фундаменте дома, а на третьем этаже? «Фундаментальными науками можно заниматься только на первом этаже», — объяснила она. Таким образом, мы видим работу означающего: пациентка совершает столь сложную процедуру, как обмен квартиры, только для того, чтобы овладеть этим заветным означающим «фундаментальный», именно ему она подчиняет свою жизнь. Референт совпадает для нее с означаемым. Тогда как невротик отлично понимает переносный смысл слова «фундаментальный». Еще Фрейд в работе «Бессоз-

нательное» 1915 года говорит о том, что психотик обращается со словами, как с вещами, не делая между ними разницы³. Понятия для него так же материальны, как и предметы, поэтому жителю третьего этажа фундаментальная наука не доступна по определению.

«Анти-лопа»

Известно, что невротик мыслит через означаемое, а психотик мыслит через референт. Реальность имеет для него буквальную символическую структуру. Например, один мой пациент спросил меня: «Из чего должен быть сделан парашют, чтобы он не лопался?» Невротик стал бы искать предметное объяснение: чтобы парашют не лопался, он должен быть сделан из высокопрочного материала, парусины или нейлона, сотканного особым образом, прошитых специальными швами и т.п. Тогда как для психотика ответ очевиден: чтобы парашют не лопался, он должен быть сделан из анти-лопы. Все буквально просто: «анти-лопа» — значит «против лопанья», парашюты из антилопы никогда не лопаются. Таким образом, означающее для психотика более материально, чем означаемое, это такой радикальный номинализм, в котором имя или название обладает большим онтологическим статусом, чем предметная оболочка той или иной вещи. Слово более реально, чем предмет.

Психотический язык не является призывом к означаемому, зовом слова к материи, напротив, он сам воплощает эту материальность. Он не обращается с призывом в ожидании ответа, а сам несет этот ответ, поэтому и работает он не с означаемым, а с референтом. А встреча с означаемым может обернуться коллапсом психического мира психотика. Например, если он вдруг поймет, что его высказывания могут значить что-то еще помимо того, что он непосредственно хотел сказать. Если ты говоришь одно, а эффект это возымеет совсем другой — это может привести к кризу. Хотя для нас, невротиков, это обычное дело — мы постоянно говорим одно, думаем другое, хотим третьего, а на самом деле четвертого... Психотику же необходимо под-

держивать моносемантическую каждого означаемого. Потеря значения, его ускользание или перемена смысла могут привести к утрате реальности и провалу в Реальное.

Иногда психотики составляют из означающих бесконечный описательный перечень реальности. Подобно героям Маркеса, они должны как можно точнее поименовать все предметы и явления этого мира, чтобы те не канули в небытие, составить компендиум всех вещей и зафиксировать их при помощи письма. Если предмет не назван — то его и не существует. Еще один мой знакомый пациент имеет тетрадь, в которой записаны все разговоры, которые происходили между людьми, когда-либо жившими на свете, и те разговоры, которые будут происходить между людьми живущими и даже еще не родившимися, и вообще все, что один человек в принципе может сказать другому, уже записано в его тетради. Вот пример того, как психотик при помощи языка удерживает контроль над реальностью. В данном случае означающее не взывает в реальности, а прописывает ее.

Означающее как «элементарный феномен»

Клерамбо даже вводит в психиатрию понятие *le phénomène élémentaire*, которым описывается такое странное обращение с языком — спутанность понятий, скрещивание слов, изобретение новояза, — которое является атрибутом психоза. Сегодня, правда, такая игра с языком и обращение со словами как с вещами стала распространенным литературным приемом и активно используется поэтами и писателями.

В клиническом аспекте тезис Лакана о том, что означаемое есть эффект означающего, дает нам понимание функции интерпретации. Она и представляет собой то, что имеет последствия. Это слова, вызывающие структурные изменения, означающие, которые влияют на реальное. При этом они совсем не обязательно должны доводить нечто до сведения пациента или приводить к осознанию вытесненного, они вообще не обязательно должны быть ему понятны. Аналитик не обязан разговаривать вразумительно, ведь

3 Freud 1915 — Freud S. Das Unbewußte // GW. X. S. 264–303. С. 298.

его речь обращена к бессознательному пациента, именно до этой инстанции его слова должны доходить и вызывать последствия, они совсем не обязательно должны воздействовать на чувства или эмоции. Иной раз слова аналитика могут показаться скучными или банальными, пустыми или бредовыми, или совершенно не относящимися к делу, но была ли эта интерпретация успешной — становится понятно по тем плодам, которые она приносит, по тому эффекту, который возникает как означаемое того или иного означающего. Если нечто отзывается на слова аналитика, нечто реальное, то референт высказывания не так уж важен. Как говорит Лакан, «означающее вообще глупо и бессмысленно»⁴, поэтому наша задача как аналитиков лежит не в поле производства новых означающих, а в создании последствий в поле реального при помощи слов. Именно это и можно назвать проработкой.

Психотическое означающее принадлежит не символическому, а реальному, оно не отчуждено от мира вещи и непосредственно влияет на него. Приведу один клинический пример: «Меня зовут Женя. Тетя Женя всех

поженит, переженит, выженит. А мою маму зовут Лена. Тетя Лена всех поленит, переленит, выленит. Вот поэтому у моего отчима растет живот». Именно так работает психотическое означающее. Невротик был бы склонен объяснять увеличение веса нарушением обмена веществ, сидячим образом жизни и т. п., тогда как для психотика все предельно конкретно: у мужа растет живот, потому что его жену зовут Лена, она его ленит, поэтому он полнеет. Имя матери является в данном случае тем главенствующим означающим, которое структурирует реальность.

ЛИТЕРАТУРА

- FREUD 1909 — Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (Der Rattenmann) // GW. VII. S. 379–463.
- FREUD 1911 — Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides). // GW. VIII. S. 239–320.
- FREUD 1915 — Freud S. Das Unbewußte // GW. X. S. 264–303.
- LACAN 1972/73 — Lacan J. Le séminaire 1972/73. Livre XX «Encore». Paris: Seuil, 1975.

4 Lacan 1972/73 — Lacan J. Le séminaire 1972/73. Livre XX «Encore». Paris: Seuil, 1975. С. 27.

Summary

Psychoanalysis of Delusion

by **Dmitry Olshansky**

There are different approaches to analysis of the delusion in psychotherapy and psychoanalysis. When therapy tries to cure the delusion, analysis support it as an attempt to symbolize of the uncscious. That is why Freud described the delusion as a try of the psychic to cure itself.

Key words: *Delusion, Psychosis, Psychoanalysis, Freud, Lacan.*